

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.34.17>

ОБ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКЕ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КАЗЫМСКОГО ДИАЛЕКТА)

Научная статья

Герляк Н.А.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-1652-8227;¹ Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (natasha-gerlyak[at]yandex.ru)

Аннотация

Отношения синонимии внутри микро-группы слов «общая оценка характера человека» в хантыйском языке, являются производными от общей структуры его лексической системы. Общим признаком данной системы является естественное деление всего массива хантыйской лексики. Отчетливо выявляется функционально-семантический инвариант: в эту специфическую группу входят лексические единицы, которые подразделяются на три типа: первую подгруппу составляют слова нейтральной оценки (характеристики), вторую – единицы, служащие для положительной оценки, третью подгруппу – слова отрицательной оценки. В хантыйском языке оценочная лексика, образует специфическую группу (слов с коннотативной составляющей непосредственно в своей внутренней форме).

Ключевые слова: оценочная лексика, слова со значением позитивной оценки, слова со значением негативной оценки, нейтральные слова, хантыйский языка, казымский диалект.

ON THE EVALUATIVE VOCABULARY IN THE KHANTY LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF THE KAZYM DIALECT)

Research article

Gerlyak N.A.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-1652-8227;¹ Ob-Ugric institut of applied researches and developments, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

* Corresponding author (natasha-gerlyak[at]yandex.ru)

Abstract

The relations of synonymy within the micro-group of words "general evaluation of a person's character" in the Khanty language, are derived from the general structure of its lexical system. The common feature of this system is the natural division of the whole corpus of the Khanty vocabulary. The functional and semantic invariant is clearly identified: this specific group includes lexical units, which are divided into three types: the first subgroup consists of words of neutral evaluation (characteristic), the second - of units serving for positive evaluation, the third subgroup - of words of negative evaluation. In the Khanty language, the evaluative vocabulary forms a specific group (words with a connotative component directly in their inner form).

Keywords: evaluative vocabulary, words with the meaning of positive evaluation, words with the meaning of negative evaluation, neutral words, Khanty language, Kazym dialect.

Введение

К описанию системных отношений между лексическими единицами в хантыйском языке мы подходим с осознанием того факта, что любой язык даёт возможность «представлять континуум мироздания как дискретное множество разных вещей, которое поддается упорядочению при помощи системы идей, являющихся значениями слов» [1, С. 23]. К числу системных отношений мы относим связи по признакам равнозначности (совпадения, подобия), близости (синонимии), противоположности (антонимии), некоторым другим. Результатом предварительных наблюдений является следующий факт: отношения синонимии, которые часто являются следствием многозначности, – самые распространенные, и они свойственны словам разных частей речи. Более избирательны слова при вступлении в отношения антонимии: это явление существует преимущественно среди именных слов и наречий. Между глаголами наблюдаются антонимические отношения, но достаточно редко (*вотшэты* «терять» – *вэйэтты* «находить»). Структура человеческой деятельности изначально представляется как спектр, поэтому отношения между лексическими единицами, обозначающими отдельные ее виды, устанавливаются в основном как разные, характеризующие отдельные стороны действия или процесса.

«Оценочная лексика — это лексика, содержащая положительное или отрицательное отношение говорящего к предмету, объекту или ситуации: отличный, прекрасный, превосходный, чудесный, изумительный, роскошный, великолепный – положительная оценка; скверный, гадкий, отвратительный, безобразный, наглый, нахальный, противный – отрицательная оценка» [2, С. 21].

На материале обско-угорских языков оценочная лексика рассматривалась в работах З.С. Рябчиковой [3], В.Н. Соловар, Ю.Г. Милаховой [4], А.Д. Каксина [5], В.И. Сподиной [6], О.Ю. Динисламовой [7] и др.

Обсуждение

Перейдём к обзору слов, служащих для общей оценки человека, с позитивной или негативной стороны в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Наше исследование касается той части лексики, которая активно используется для того, чтобы характеризовать и оценивать человека в общем (или его поведение в данный период).

Например, в тематическом словаре хантыйского языка [8] данная лексика представлена в трёх разделах: Характер, качества человека; Общие слова о человеке; Имена прилагательные и причастия. (*Примечание – в тематическом словаре 2002 года используется алфавит хантыйского языка 1995 года*). Уже в первом разделе два антагонистических типа человека разделяются вполне определенно: к номинациям *хуйат* «хороший человек» относится один ряд определений, а к номинации *атэм хуйат* «плохой человек» – другой сопутствующий ряд. Уточняя образ хорошего человека, можно представлять его следующим образом: *каркам хуят*; *яма рэпитты хуят* «труженик», *нявишан хуят*; *нях-путар верты хуят* «шутник», *пайтаплы хуят* «смельчак», *ушайн хуят* «умница». Напротив, нехороший человек – это *верлы питум хуят* «бездельник», *лени-вани хуят* «лентяй», *атум верты хуят* «вредитель», *лепайлыты хуят* «лгун», *ушмаран хуят* «хитрец», *ишкайлыты хуят*; *урк еслты хуят*; *уркан хуят* «хвастун» [8, С. 40-42]. В группе общих слов о человеке [8, С. 49-50] обнаруживается одно слово с негативной оценкой (оно заимствовано из русского языка): *вурак* «враг». Ему противостоят лексемы, с помощью которых человека можно характеризовать положительно: *лэхас* «друг», *лэш* «подруга», *нётты хуят* «помощник», *пихэ* «товарищ», и *пэнт мэнты хуят* «попутчик». Общий смысл сопоставления «хорошего» и «плохого» человека понятен. По нашим данным, контекстуальным синонимом к сочетанию *йам хуйат* «хороший человек» является сочетание *нявлэк хуят* «добряк, ласковый человек». Следует заметить, что полного или точного аналога слову русского языка *добряк* в хантыйском языке нет. Наверное, его и не может быть: такого рода дериваты свойственны русскому языку, а в хантыйском языке – иная система словопроизводства. Однако в хантыйском языке имеется достаточно слов, имеющих значение «добрый (человек)» или синонимичное ему. Два из них употребительны и в казымском диалекте: *йат* «добрый, хороший; здоровый» и *пётша* «добродушный, веселый, терпеливый» [9, С. 367, С. 1055]. А вот что находим в тематическом словаре казымского диалекта хантыйского языка: добрый (-ая, -ое) 1) (*делающий добро другим, отзывчивый*) *сэмән*; оты; добрый человек *сэмән хуят*; 2) (*несущий благо, добро, благополучие*) *ям*; *нявлэк*; добрые вести *ям айкелат* [8, С. 172].

В хантыйско-русском словаре [10] лексика с отрицательным значением представлена лексемами: *кэнар* «бедняга, страдалец», лексика с положительным значением: *шайэр-пайэр* «бережливый», *нумша* «робкий, скромный, покорный», *савэр-вавэр* «проворный, делает что-либо быстро и хорошо», *кэры-пэры* «расторопный, работающий», *хэрици* «проворный, настойчивый, упорный», *шуш-муш* «уравновешенный, самостоятельный, хозяин своему слову», *каркам* «проворный», *апрэн* «проворный, активный», «легкий на подъем» и др.

Объединяя данные трех словарей, констатируем наличие пяти лексических единиц хантыйского языка, выражающих непосредственно искомое значение: *ям* (*йам*), *нумша* (*нумша*), *сэмән* (*сэмән*), *оты*, *нявлэк* (*нвлэк*). Далее посмотрим, как данные слова «ведут себя» в высказывании, тексте. Предполагаем, что в этом случае они могут быть употреблены в несколько ином (или более широком) контексте, в формате, не заданном в словарной статье. Об этом замечательно сказано в одной из работ М.И. Черемисиной: «Очень важным свойством слова мне представляется его готовность расширять область своего значения. ... Живое слово в контексте, в конкретной ситуации может выразить гораздо больше, чем можно предположить, основываясь на словарной статье» [11, С. 60]. Соглашаясь с этим авторитетным суждением, приведем далее, в качестве иллюстрации конкретных значений выявленных лексических единиц, ряд фраз из наших записей разговорной речи казымских ханты: *Шци вөн икен эвэлт ал пайла, лув йам хуйат* – Этого пожилого мужчину не бойся, он хороший человек; *Найн ацен ма хувэн вөлэм, шимэц йам хуйат ма шимал вөсэм* – Отца твоего я давно знаю, таких хороших людей я мало видел; *Там Сыхали йам ими, ма па Худи Наста йам ими* – Это Сыхали хорошая жена, а я Худи Наста, хорошая женщина; *Йам вөсэн, йицк манема түвемта-сэр!* – Хороший мой, водички мне принеси-ка! *Йам хуйат педя лув ант питея циты хурты* – На хорошего человека он не будет так лаять.

Набор лексических единиц, обозначающих «хорошего» или «плохого» человека, можно расширить, понимая при этом, что речь в этом случае идет о контекстуальной синонимии. В тематическом словаре хантыйского языка выявляются следующие лексические единицы, имеющие отношение к характеристике хорошего человека: *нётты хуят* «помощник», *лавалты хуят*; *тэрыты хуят* «защитник», *лэткаш* «щедрый», *пуйян* «близкий», *ям ширян* «вежливый», *вещкат* «добросовестный», *веран* «деловитый», *сэмән*; *оты*; *ям*; *нявлэк* «добрый», *мосты* «желанный, нужный», *тэпэн* «милый, родной», *амтэн* «жизнерадостный», *шечук* *ям* «замечательный», *сорнеу* (*перен.*) «золотой», *нявлэк* «ласковый», *ешак* «милый», *ром*; *шита* «спокойный», *шоп ясууп* «обязательный», *шоп нумсуп*; *вещкат* *нумсуп* «правдивый», *рут* «родимый», *рэпата* *сэмән* «трудолюбивый». [8, С. 40-194]. Для обозначения плохого человека могут быть использованы слова и сочетания другого ряда: *вешлы* «бессовестный», *вэр* «вредный», *хэрх-мурэх* «равнодушный, черствый, высокомерный», *лыкэн* «сердитый, злой», *кэнт веншуп* «двуличный», *нэл велты*; *күла питты* «драчливый», *шечук атум* «дрянной», *шакэр*; *нелэн* «жадный», *кев сэмуп*; *карты сэмуп* «жестокий», *юврайэн*; *нюрпайэн* «капризный», *пунэн веншуп* «наглый», *питасэн* «надоедливый», *ушмаран* «хитрый», *вештам* *нумсуп* «неблагодарный», *ювра* «неверный», *неран-сухэн* «нервный», *юврая верты ут* «несправедливый», *шечук лыкэн* «свирепый», *лыки-хэри* «угрюмый» [8, С. 167-194].

В отношении характера оценки данный ряд слов делится на три подгруппы: слова со значением позитивной оценки и, в т. ч. призванные вызвать жалость, сочувствие (*лэткаш* «рохля, тихоня, мягкий, добросердечный, все на нем ездят», *кэнар* «бедолага, страдалец, беденький, несчастный, жалкий», *кэнар-ёсах* «бедолага, страдалец, беденький», *муши* «беденький, страдалец, болезненный»), слова со значением негативной оценки (*вуспук* «черт, паразит, сволочь, негодяй, ублюдок», *канян* «паразит, скотина, сволочь, негодяй», *куллум* «черт, паразит», *күль* «черт, паразит», *хом* «проклятый») и нейтральные слова (*нумпи* «непоседливый, непоседа, шаловливый, шалун, надоедливый», *сыр-супар* «такой-сякой, непоседа, шалунишка», *хулям* «неловкий, нескладный, верзила, неудачник»).

Слова последнего ряда, нейтральные, часто относятся к ребенку, и в этом случае могут переходить в разряд ласкательных. Напротив, слова с негативной оценкой очень часто становятся ругательными. Наиболее подвержены переходу в разряд ругательных такие слова, как *хом* «сволочь», *кўль* «негодник», *сылка* «нехороший человек».

Под ругательством обычно понимается грубое, бранное слово или выражение, адресованное человеку. (Такое ругательство может быть обращено и к животному, но это происходит достаточно редко, поскольку для оценки поведения животных имеются другие, особые слова и обороты). Предположительно, семантика двух бранных слов (*хом* и *кўль*) связана с тем обстоятельством, что сначала они появились в разговорном дискурсе религиозно-мифологического характера.

Далее остановимся на этимологии этих двух, наиболее характерных для хантыйской разговорной речи, ругательств – *хом* и *кўль*. Относительно первого из них: в словаре В. Штейница приводится целый ряд слов из разных диалектов хантыйского языка: *кет* «способность» (фольк.), *кѳт* «тёмный», *кѳмл* «росомаха» [9, С. 637-639]. Исходя из смысла, можно допустить, что произошло переосмысление общей семантики «не-хороший, тёмный, злой» в значение «сволочь», когда слово стало применяться для характеристики человека. А ругательство *кўль*, видимо, пришло из религиозной сферы: этим словом ханты обозначали (впрочем, называют и теперь) одного из духов болезни. Этим вопросом много занимался финский ученый К.Ф. Карьялайнен, и вот что можно прочесть у него о характере этого духа (и это очень яркое объяснение того обстоятельства, что впоследствии этим словом стали называть человека плохого, «негодного»):

«К самым значительным из духов болезни относится тот видовой дух, которого называют *Kul, kul'* и который везде, где его знают, пользуется дурной репутацией 'чёрта, злого духа'. В старых источниках, впрочем, утверждается, что, например, вогулы "не хотят ничего знать о черте и не знают его, так как его нет в их среде"; но уже давно вогулы, как и остяки, не могли не знать такое существо. Уже Кастрен сообщает, *kuļ* северных остяков – очень злое и опасное небесное существо, и считает, что оно соответствует водяному демону финнов. Точно так же и Патканов называет *kuļ'* южных остяков "водяным духом", который обитает в черных озерах нижнего мира и в глубинных водах верхнего мира". Внешне он похож на человека, а у некоторых *kuļ'* – два лица. Он настроен враждебно по отношению ко всему человеческому роду и причиняет вред, "где только может; итак, он в полной мере соответствует немецкому *Teufel* и русскому черту". В изображении Кастрена и Патканова *kuļ* предстает, таким образом, односторонне – как водный демон, что, однако, неверно. ... У части вогулов остяцкому *kuļ* соответствует одноименное сверхъестественное существо. По сведениям Каннисто, переданным Сетеля, *kuļ'* "злой" и "живет в воде"; на Сосьве он побуждает людей к воровству и дракам, вводит их в искушение» [12, С. 252-253].

Таким образом, появление в ряду хантыйских ругательств слов *хом* и *кўль*, а также их семантика, объясняются их первоначальным бытованием в той языковой сфере, что тесно связана с религиозно-мифологическим мировоззрением ханты.

Приведём ряд фраз с использованием интересующих нас слов (из записей разговорной речи казымских ханты).

Хом! Па ци йуврайа версэллэ! – Сволочь! Опять все не так сделал (букв.: криво сделал)!; *Хом, сылка, ци па велма!* – Какой он все-таки сволочь, нехороший человек!; *Муй арат пўш нўэн лупты, хом?!* – Сколько раз тебе говорить, сволочь?!; *Кўль, сёр, йухэтлэн цўха йухи!* – Негодник, смотри же, придешь потом домой!; *И муйсэр кўль, холлуплэм па ци мўншэмэ!* – Смотри, какой негодник, сети мои опять порвал!; *Кўль, немэлты ант тывэл!* – Чёрт, ничего не получается!; *Щи па, хом, велма!* – Ну, надо же, сволочь оказался!; *Хом вўс пух! Вухлам ци алемума!* – Сволочь, дрянной мальчишка! Деньги мои прихватил, оказывается!; *Па ци хўнтэс! Щимэц кўль ци!* – Снова убежал! Такой вот негодник!

Заключение

Таким образом, отношения синонимии внутри микро-группы слов «общая оценка характера человека» в хантыйском языке, являются производными от общей структуры его лексической системы. Общим признаком данной системы является естественное деление всего массива лексики. Отчетливо выявляется функционально-семантический инвариант: в эту специфическую группу входят лексические единицы, которые подразделяются на три типа: первую подгруппу составляют слова нейтральной оценки (характеристики), вторую – единицы, служащие скорее для положительной оценки, третью подгруппу – слова скорее отрицательной оценки.

В хантыйском языке оценочная лексика образует специфическую группу (слов с коннотативной составляющей непосредственно в своей внутренней форме). Перевести эти лексические единицы на русский язык, возможно, но для этого скорее всего понадобится несколько русских слов, и даже в этом случае схожесть может быть достигнута не всегда, например, в диалектологическом словаре В. Штейница лексема «*каркам*» переводится как – бойкий, проворный, услужливый, удалый, расторопный, живой, оживленный; ловкий, проворный и живой в работе, прилежный, усердный; смелый, отважный [9, С. 678-679].

На основе этих принципов должны быть детально изучены и другие участки лексической системы хантыйского языка.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Лебединская В.Г., Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.34.17.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Lebedinskaya V.G., Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.34.17.1>

Список литературы / References

1. Черемисина М.И. Язык как явление действительности и объект лингвистики / М.И. Черемисина - Новосибирский государственный университет - Новосибирск, 1998. - 128 с.
2. Стаценко А.С. Эмоционально-оценочная лексика как средство реализации речевой интенции / А.С. Стаценко - М.: МПГУ, 2011. - 118 с.
3. Рябчикова З.С. Соматическая лексика хантыйского языка: автореф. дис. ... канд. филол. н. / З.С. Рябчикова - Санкт-Петербург, 2008. - 28 с.
4. Соловар В.Н. Национально-культурные особенности языковых единиц сферы психоэмоционального состояния и поведения человека (на материале шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка) / В.Н. Соловар, Ю.Г. Миляхова // Вестник угроведения. - 2013. - Т. 3, № 2. - С. 44-49
5. Каксин А.Д. Группы слов, связанных с номинацией, характеристикой и оценкой человека, в северных диалектах хантыйского языка / А.Д. Каксин // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. - 2017. - №2 (16). - С. 18-24
6. Сподина В.И. Человек в традиционной картине мира (на материалах обских угров и самодийцев) / В.И. Сподина - Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2017. - 350 с.
7. Динисламова О.Ю. Образ человека во фразеологической картине мира мансийского и русского языков: автореф. дисс. на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Специальность 10.02.20 / О.Ю. Динисламова - Новосибирск, 2022 - 26 с.
8. Кононова С.П. Русско-хантыйский тематический словарь (казымский диалект) / С.П. Кононова - СПб.: филиал издательства «Просвещение», 2002. - 216 с.
9. Steinitz W. DEWOS – Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache / W. Steinitz - Berlin: Akademie – Verlag, 1966-1991 - 2019 S.
10. Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект) / В.Н. Соловар – Тюмень: «Формат», 2014. - 386 с.
11. Черемисина М.И. Язык и его отражение в науке о языке / М.И. Черемисина - Новосибирский государственный университет - Новосибирск, 2002. - 254 с.
12. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т. II / К.Ф. Карьялайнен, Н.В. Лукина - Томск: Изд-во Томского университета, 1995. - 284 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Cheremisina M.I. Yazyk kak yavlenie dejstvitel'nosti i ob"ekt lingvistiki [Language as a phenomenon of reality and an object of linguistics] / M.I. Cheremisina - Novosibirsk State University - Novosibirsk, 1998. - 128 p. [in Russian]
2. Stacenko A.S. Emocional'no-ocenoch'naya leksika kak sredstvo realizacii rechevoj intencii [Emotional-evaluative vocabulary as a means of implementing speech intention] / A.S. Stacenko – M.: MPGU, 2011. - 118 p. [in Russian]
3. Ryabchikova Z.S. Somaticheskaya leksika hantyskogo yazyka [Somatic vocabulary of the Khanty language]: abstract of dis. of PhD in Philology / Z.S. Ryabchikova - Sankt-Peterburg, 2008. - 28 p. [in Russian]
4. Solovar V.N. Nacional'no-kul'turnye osobennosti yazykovykh edinic sfery psihoemocional'nogo sostoyaniya i povedeniya cheloveka (na materiale shuryshkarskogo i kazym'skogo dialektov hantyskogo yazyka) [National-cultural features of linguistic units of the sphere of psycho-emotional state and human behavior (based on the material of the Shuryshkar and Kazim dialects of the Khanty language)] / V.N. Solovar, Yu.G. Milyahova // Vestnik ugrovedeniya [Bulletin of Ugrostudies]. - 2013. - V. 3, № 2. - pp. 44-49 [in Russian]
5. Kaksin A.D. Gruppy slov, svyazannyh s nominaciej, harakteristikoj i ocenкой cheloveka, v severnyh dialektah hantyskogo yazyka [Groups of words related to the nomination, characterization and evaluation of a person in the northern dialects of the Khanty language] / A.D. Kaksin // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. - 2017. - №2 (16). - pp. 18-24 [in Russian]
6. Spodina V.I. Chelovek v tradicionnoj kartine mira (na materialah obskih ugrov i samodijcev) [A man in the traditional picture of the world (based on the materials of the Ob Ugrians and Samoyeds)] / V.I. Spodina – Hanty-Mansijsk: LLC «Pечатnyj mir g. Hanty-Mansijsk», 2017. - 350 p. [in Russian]
7. Dinislamova O.Yu. Obraz cheloveka vo frazeologicheskoy kartine mira mansijskogo i russkogo yazykov [The image of a person in the phraseological picture of the world of the Mansi and Russian languages]: abstract of diss. for the degree of PhD in philology. Specialty 10.02.20 / O.Yu. Dinislamova - Novosibirsk, 2022 - 26 p. [in Russian]
8. Kononova S.P. Russko-hantyskij tematicheskij slovar' (kazym'skij dialekt) [Russian-Khanty thematic dictionary (Kazym dialect)] / S.P. Kononova - SPb.: branch of the publishing house «Prosveshchenie», 2002. - 216 p. [in Russian]
9. Steinitz W. DEWOS – Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache [DEWOS – Dialectological and etymological dictionary of the East Jak language] / W. Steinitz - Berlin: Akademie – Verlag, 1966-1991 - 2019 p. [in German]
10. Solovar V.N. Hantysko-russkij slovar' (kazym'skij dialekt) [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)] / V.N. Solovar – Tyumen: «Format», 2014. - 386 p. [in Russian]
11. Cheremisina M.I. Yazyk i ego otrazhenie v nauke o yazyke [Language and its reflection in the science of language] / M.I. Cheremisina - Novosibirsk State University - Novosibirsk, 2002. - 254 p. [in Russian]
12. Kar'yalajnen K.F. Religiya yugorskich narodov [Religion of the Ugric peoples] V. II / K.F. Kar'yalajnen, N.V. Lukina - Tomsk: Publ. house of Tomsk University, 1995. - 284 p. [in Russian]